Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

«...И ВАМ ТЕПЕРЬ ОСТАЕТСЯ НА МАШИНКЕ ПИСАТЬ ИЛИ ПРОДАВЩИЦЕЙ К МЮРУ-МЕРИЛИЗУ»: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РАССКАЗА А.Н. ТОЛСТОГО «БЕЗ КРЫЛЬЕВ (ИЗ ПРОШЛОГО)»

© 2021 г. А.С. Акимова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 01 апреля 2020 г.
Дата одобрения рецензентами: 25 мая 2020 г.
Дата публикации: 25 июня 2021 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-406-421

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-78-10100)

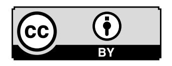
Аннотация: На примере дневниковых записей А.Н. Толстого 1911–1914 гг. и художественных текстов рассматривается актуальный в начале XX в. «женский вопрос». В статье применяются биографический, социокультурный и текстологический подходы к изучению текстов писателя. Проведенный анализ периодики и изучение социокультурной жизни начала века приводят к выводу о том, что «женский вопрос» и судьбы конкретных женщин оказали большое влияние на проблематику рассказа «Маша». Текст рассказа, опубликованный в журнале «Заветы» в 1914 г., А.Н. Толстой готовил для издания в томе 5 Сочинений (1914). Основное направление правки было связано с образом главной героини, ушедшей от мужа и блуждающей по вечерней Москве женщины. Автор сократил ряд деталей, которые характеризовали ее как легкомысленную дамочку, героиню трагикомедии или фарса. В начале 1927 г. А.Н. Толстой вновь вернулся к рассказу: он полностью его переработал и изменил название («Без крыльев (Из прошлого)»). Наряду с изменением названия, был переписан практически весь текст рассказа, в результате чего из трагикомедии «Маша», из смешения фарса и драмы А.Н. Толстой сделал трагедию одинокой молодой женщины — «без крыльев».

Ключевые слова: репрезентация «фемининного», «женский» мир, гендерные стереотипы, литература модернизма, творческая история текста, текстология.

Информация об авторе: Анна Сергеевна Акимова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0732-1854

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

Для цитирования: *Акимова А.С.* «...И вам теперь остается на машинке писать или продавщицей к Мюру-Мерилизу»: к истории создания рассказа А.Н. Толстого «Без крыльев (Из прошлого)» // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 2. С. 406–421. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-406-421

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 2, 2021

"…YOUR ONLY CHOICE NOW IS TO TYPE OR TO BE A SELLER AT THE MUIR AND MIRRIELEES": ON THE CREATIVE HISTORY OF A.N. TOLSTOY'S SHORT STORY *WITHOUT WINGS* (*FROM THE PAST*)

© 2021. Anna S. Akimova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: April 01, 2020
Approved after reviewing: May 25, 2020
Date of publication: June 25, 2021

Acknowledgements: This study was carried out at IWL RAS with a grant from the Russian Science Foundation (project №19-78-10100).

Abstract: "Female issue" probed on the example of A.N. Tolstoy's diaries for 1911–1914 and his fiction in the article. The biographical, socio-cultural and textological methods were used to describe the writer's texts. The analysis of periodical and the study of social and cultural life of the early 20th century led to the conclusion that the "female issue" and fates of real women had a great influence on the issues of the short story *Masha*. The text of the story was published in the *Zavety* journal in 1914, later Tolstoy prepared it for publication in volume 5 of his *Works* (1914). The main direction of his corrections was connected with the main character who left her husband and strolled the evening city. The author reduced some details which characterized her as a frivolous lady from tragicomedy or farce, and replaced real names and images with more common things. Tolstoy rewrote the story in 1927. He changed the title (*Without Wings (From the Past)*) and corrected all characters. As a result the genre of tragicomedy was transformed into tragedy of a lonely young woman "without wings."

Keywords: constructs of femininity, 'woman's' world, gender stereotypes, Modernism, creative history of text, textual criticism.

Information about the author: Anna S. Akimova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0732-1854

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

For citation: Akimova, A.S. "'…Your Only Choice Now is to Type or to Be a Seller at the Muir and Mirrielees': on the Creative History of A.N. Tolstoy's Short Story *Without Wings (From the Past)*." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, 2021, pp. 406–421. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-406-421

Проблема пола и брака, широко обсуждавшаяся представителями образованной элиты после выхода романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (1878) и повести «Крейцерова соната» (1890) и вызвавшая религиозно-философские дискуссии в начале XX в. (подробнее см.: [7, с. 223–225]), интересовала и А.Н. Толстого. Внимание писателя к «женскому вопросу» могло быть обусловлено личными мотивами: история матери писателя, графини Александры Леонтьевны Толстой, «самарской Анны Карениной», ушедшей от мужа, графа Н.А. Толстого, к земскому служащему, дворянину А.А. Бострому, обсуждалась в обществе. Как пишет исследователь жизни и творчества А.Н. Толстого З.В. Стрелкова, «моральный дух влюбленных и сознание значимости их поступка для эволюции общественных отношений помогали Александре Леонтьевне и Бострому переживать пересуды и осуждения <...>. Если Бостром, как земский деятель, был еще востребован обществом, то Александра Леонтьевна предпочитала не торопиться с возвращением в самарское общество и не стремилась напоминать о себе» [6, с. 304–305].

О внимании А.Н. Толстого к «женскому вопросу» свидетельствуют его дневниковые записи и произведения 1910–1914 гг. Впервые тема свободы царивших в начале XX в. нравов была затронута в неоконченном рассказе «Дом без мебели»[1], в котором инженер Красавин уличает в неверности свою жену Симу. В рассказе «Девушки» (1913) проблеме взаимоотношения полов посвящен разговор провинциальных барышень, читающих роман А.И. Гончарова «Обрыв» [1]. Главной героиней пьесы А.Н. Толстого «На-

1 ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 43. 30 л. [1912].

сильники» (1913) стала незамужняя женщина, страховой агент, разъезжающая по отдаленным дворянским усадьбам.

Одна из первых записей А.Н. Толстого в дневнике, свидетельствующая о его интересе к проблеме пола, связана с выступлением Варвары Васильевны Архангельской, писательницы, автора книг по женскому вопросу (Проституция и проф. В.М. Тарновский. СПб., 1904; О регламентации проституции. СПб., 1904 и др.): «В редакции. Госпожа Архангельская и товарищи: “Женщина в нашем обществе занимает роль ночного горшка под кроватью своего мужа”. Все в таком роде. Студенты. Слушают, закрыв лица, чтобы понять, ни одного хлопка» [2, с. 294].

В другой записи, озаглавленной «Сон», речь идет о художнице Маргарите Васильевне Сабашниковой, жене друга А.Н. Толстого, поэта М.А. Волошина: «Марг<арита> Вас<ильевна> сняла комнату в публичном доме. Все время молится богу, утром у нее гости, и девки пьют кофе, который она благословляет» [2, с. 281]. Таким образом, замысел рассказа 1914 г. «Маша» об ушедшей от мужа женщине, блуждающей по городу и оказывающейся в публичном доме, может быть связан с этой дневниковой записью А.Н. Толстого.

Позднее, в апреле 1913 г., он пишет о хрупкой и беспомощной женщине: «Вообще о маленькой женщине, которая вся сделана из одного чувства, а все остальное лишь на поверхности» [2, с. 314], что также может быть соотнесено с возникновением замысла рассказа. Покинувшую дом героиню, Машу, в начале ее пути сопровождает профессионально интересующийся «женским вопросом» журналист, которому героиня признается в единственном желании — любить: «А вы скажите — куда я пойду? Я ничего делать не умею. На улицу? Пожалуй, пошла бы. Да вот мешает мне. Сейчас скажу, что мне мешает; я еще не любила ни разу, вот это. Думаю: а вдруг нечаянно встречу такое счастье, как во сне. Но чтобы встретить счастье — искать его нужно. Вот и думаю: значит, на улицу и так, чтобы всякий, кому понравлюсь, пусть ведет к себе: один из таких вдруг моим окажется... Верно я говорю, верно? А вы не думаете, что я-то иная тогда стану, ведь каждому все отдам, в каждом понадеюсь — уж не он ли?» [9, с. 33].

Целый ряд дневниковых записей А.Н. Толстого 1911–1914 гг. свидетельствует о том, что прототипом главной героини рассказа могла послужить актриса передвижных театров Валентина Владимировна Успенская

(домашнее прозвище «Валетка»), с которой писателя познакомил художник К.В. Кандауров в Коктебеле. Первая запись датирована 22 июня 1911 г.: «Валетка рассказала Соне жизнь. Из института вышла замуж. Была совсем наивна. Спустя пять лет ученик рисовальной школы поцеловал ей руку. Она, взволнованная, рассказала об этой измене мужу, на мужа такая чистота произвела большое впечатление, он рассказал, что изменял ей постоянно. Предложил условие — жить свободно, но только рассказывать. Вскоре одна барышня потребовала их развода. Они разошлись. Валетка уехала в Париж. Полюбила художника, жила как с мужем, кормила его, одевала; художник влюбился в танцовщицу <...> уехала в Петербург, поступила в бродячую труппу. Жизнь кончена. Она еще любит художника» [2, с. 296].

Героиня рассказа «Маша», как и Валетка, простодушна и честна с мужем, она признается в том, что позволила знакомому целовать руки. Узнав об этом, муж «принялся хохотать», а затем, растроганный ее глупостью, откровенно рассказал о своих многочисленных изменах. «После этого я долго хворала, и, наконец, мы условились быть совсем свободными» [9, с. 37], единственным требованием мужа, как и в случае с Валеткой, было «ничего не скрывать» (ср. в рассказе В.В. Успенской: «Предложил условие — жить свободно, но только рассказывать»). Этот договор нарушил мир и спокойствие в семье: Маша им «не могла воспользоваться, сколько ни заставляла себя, не могла и ему быть женой; тогда начался кошмар и ужасная ревность с его стороны» [9, с. 37], Притыкин же изводил себя и жену ревностью и подозрениями в неверности. Рассказ «Маша» начинается со сцены выяснения отношений между супругами, свидетелем которой становится живущий по соседству журналист.

Следующая запись в дневнике А.Н. Толстого от 26 июня 1911 г. также непосредственно связана с началом рассказа «Маша»: «Валетка пошла на бал, муж сказал: “Если я тебе дороже других, приходи в час” и тоже ушел в другое место. Валетка вернулась в три. Дома никого, темно. Вошла в залу, открыла электричество: на диване лежит муж, лицо белое, глаза закатились, приподнялся и запустил в Валетку канделябром, потом другим, она упала без чувств» [2, с. 297]. Сравним с описанием семейного конфликта в рассказе: «Все это началось со вчерашнего еще вечера. Маша уезжала на бал, а Притыкин, оставшись дома, сказал ей: “Приезжай не позже часу, иначе увидишь, что будет? Поняла?” Маша вернулась в четыре утра. Парадная

дверь была приокрыта. Не раздеваясь. Маша прошла в гостиную и зажгла свет. С дивана поднялся Притыкин, взял канделябр и, не спеша, бросил им в жену, но промахнулся» [9, с. 30].

Дальнейшее повествование — блуждание Маши по городу, ночь в доме писателя Хомутова, поиск жилья и публичный дом, куда героиню доставил ловкий извозчик, встреча с призрачным торговцем консервами и возвращение домой — прекрасно охарактеризовал критик начала XX в. А.А. Измайлов. В обстоятельной рецензии «Женская жизнь. — Без руля и без ветрил. (“Маша” гр. А.Н. Толстого)» в утреннем выпуске газеты «Биржевые ведомости» [8; перепечатана в: 12], он отмечал, что талантливый беллетрист схватил «роковое бессмыслие жизни, в частности, горечь женской доли, драму женщины, фатально ускользающей от рук идеалистов и романтиков и попадающей в сальные лапы пошляков и хищников» [8]. Описание встречи с одним из них, завсегдатаем дома терпимости, Базилем, также могло быть основано на занесенном в дневник А.Н. Толстого происшествии, озаглавленном «Рассказ Валетки»: «О встрече с американцем. Как поехали к нему, его лицо на извозчике. Она заснула на диване утомленная. Еще раз раскрыла глаза. Он, опершись на кулак подбородком, не мигая, глядел на нее. Валетка была в черном полумужском платье» [2, с. 305].

На тональность всего повествования о трагическом положении женщины в обществе могли повлиять приведенные в дневнике слова В.В. Успенской: «Сидели с Валеткой на скамейке. [Она] Вал<етка> говорила о судьбе женщины — плохо, если не хочешь примириться. А если примиришься — жить можно как-нибудь» [2, с. 298].

Таким образом, истории В.В. Успенской о своей жизни, записанные А.Н. Толстым в 1910-х гг., легли в основу опубликованного в 1914 г. рассказа «Маша», центральной темой которого становится проблема взаимоотношения мужчины и женщины и — шире — положение женщины в обществе. Это тонко уловил критик, написавший, что «в тяжелом недоумении автора перед загадками жизни есть правда», что Маша — нарицательное имя «тех тысяч Маш, что так же нескладно и похмельно, полусознательно и точно сквозь туман влачат свою жизнь», простое и банальное имя лишь подчеркивает «обыкновенность и будничность своей истории» [8]. Маша «безвольная, словно одурманенная, как сомнамбула», попадает «в новые мужские руки», — писал Измайлов, — «автор не очень льстит женщине, выставляя

этот тип невменяемого, плывущего по течению существа, руководимого, по-видимому, одним компасом — личного настроения» [8].

Текст рассказа, опубликованный в журнале «Заветы», А.Н. Толстой готовил для издания «Сочинений» [13]. Основное направление правки было связано с образом главной героини: автор сократил ряд деталей, которые характеризовали ее как легкомысленную и глупенькую дамочку, героиню трагикомедии или фарса. О своей жизни Маша говорит журналисту: «…я вышла замуж и думала: муж — значит навсегда» [9, с. 36], изменение конструкции предложения в «Сочинениях» усилилось безысходность положения молодой женщины, оказавшейся на улице, — «меня выдали замуж и я думала: муж — значит навсегда» [13, с. 218]. По сравнению с текстом журнальной публикации в «Сочинениях» был расширен ответ героини журналисту: вместо одной фразы «…и родных нет; никого; я и сама не знаю, отчего так долго могла жить с мужем» [9, с. 32] появилась ее история: «…и родных нет; никого; я не здешняя, завезли в Москву и вот… Я и сама не знаю, отчего так долго могла жить с мужем» [13, с. 214]. В исправленном для тома «Сочинений» тексте на просьбу журналиста рассказать ему о случившемся, «как подруге», Маша отвечала: «Как подруге? — проговорила Маша, здесь у меня ни одной подруги не осталось…» [13, с. 214]. В тексте журнала «Заветы» после исповеди Маши шли искренние слова утешения и сочувствия журналиста: «Нет же, нет, вы ужасно милая, нельзя себя доводить до такого отчаяния… Любовь-то вы двадцать раз заслужили… и придет она, я знаю, — сказал Иван Петрович» [9, с. 33], из которых автор оставил только первую фразу («Нет же, нет, вы ужасно милая, нельзя себя доводить до такого отчаяния… — сказал Иван Петрович» [13, с. 214]).

В контексте данной темы чрезвычайно важным становится образ журналиста-советчика. Женские журналы начала XX в. активно создавали образ новой женщины, раскованной и раскрепощенной. Исследователь женской беллетристики и дамских журналов этого периода, О.А. Симонова, говоря об образе блудницы в массовой литературе, отмечала: «Изменяется отношение к женщине, имеющей множество сексуальных связей. Если традиционно она порицалась как распутная и становилась изгоем общества, то в массовой литературе начала XX в. (Е.А. Нагродская “Гнев Диониса”, А.А. Вербицкая “Ключи счастья” и др.) подобное поведение героини одобряется автором. Свобода в сексуальных отношениях становится одной из

характеристик “новой женщины” <...> В феминистских журналах (“Женский вестник”, 1904–1917, “Союз женщин”, 1907–1909) проститутка становится основным объектом сочувствия авторов и частой героиней беллетристики, призванной обратить общественное внимание на проблему. В большей степени принадлежа сфере идеологии и пропаганды, чем искусству, феминистская беллетристика стала одним из инструментов борьбы за улучшение положения женщин. Облекая свои идеи в художественную форму, авторы демонстрировали непосредственную связь между официально одобренной проституцией и неравенством мужчин и женщин» [4, с. 88–89]. Со страниц дамских журналов многоопытная писательница-советчица отвечала на письма читательниц, помогая освободиться от норм морали, что другими изданиями расценивалось как рекламный ход: «Особенно хорошо клюет подписчица на интимные советы. Последнюю приманку следует также рекомендовать как самую доступную и не требующую особенных затрат, так как отделом интимных советов в дамских журналах обыкновенно заведует редакционный сторож Михеич, снабжаемый для этой цели каким-нибудь аристократическим женским псевдонимом вроде “Игрушечной маркизы”, “Принцессы Грезы” и т. п.» [5, с. 4].

Именно «как подруге» просит Машу рассказать свою историю свидетель семейной драмы Притыкиных и бегства главной героини журналист Иван Петрович. Сопровождая ушедшую от мужа молодую женщину, он восклицает: «Я давно говорю: семья выродилась, старое учреждение. Поэтому вы так и страдаете, что надо найти новую форму» [9, с. 31–32]. Образ Ивана Петровича становится более колоритным и ярким в тексте, подготовленном для «Сочинений», благодаря внесенной Толстым небольшой правке:

Иван Петрович был роста среднего, ловок и коренаст [9, с. 26].	Иван Петрович был находчив, ловок и коренаст [13, с. 207].

Для издания «Сочинений» правке подвергся и облик мужа, инженера Притыкина, ищущего по городу Машу: в журнале, помимо злости и раздражения, в его образе подчеркивалось страдание («вглядывался в жену впавшими, злыми глазами» [9, с. 39]), в «Сочинениях» «впавшими» было сокращено («вглядывался в жену злыми глазами» [13, с. 241]). Презрение в словах Притыкина, обращенных к жене («знаешь, я пришел к заключе-

нию — ты родилась от коровы, в тебе телячьего необыкновенно много, хоть бы ты пофлиртовала с кем-нибудь, видеть не могу подобной скромности» [9, с. 36]), уступает место жестокости: снимается лишнее в контексте фразы «ты родилась от коровы» и заменяется «пофлиртовала с кем-нибудь» на более выразительное «обольстила кого-нибудь»: «знаешь, я пришел к заключению — в тебе телячьего необыкновенно много, хоть бы ты обольстила кого-нибудь, видеть не могу подобной скромности» [13, с. 218].

После первой журнальной публикации продолжилась работа писателя и над образом Семена Семеновича Хомутова. К нему, одинокому писателю и «чрезвычайно прекрасному чудаку», журналист привел Машу сразу после ухода из дома. «К нему можно просто позвонить. Войти и лечь спать, я так у него целую неделю прожил, а он встречает потом на улице и спрашивает, почему я бросил у него бывать» [9, с. 32], — говорит о нем приятель. Характеризующие отрешенность и рассеянность Хомутова слова журналиста «я так у него целую неделю прожил, а он встречает потом на улице и спрашивает, почему я бросил у него бывать» снимаются писателем. А.Н. Толстой отказывается и от изображения излишней чувствительности Хомутова: «Семен Семенович поднялся с дивана и подошел к другу» [13, с. 226] вместо «Семен Семенович поднялся с дивана и, подойдя к другу, поцеловал его в щеку» [9, с. 32].

Изменения, связанные с изображением главных героев рассказа — Притыкина, Маши и Хомутова, — подводят к продолжению финальной сцены. Если в журнале «Заветы» после убийства мужа в Маше только появляется желание увидеть Семена Семеновича, то в тексте, опубликованном в томе «Сочинений», она к нему приходит:

> Семен Семенович сам отворил ей дверь. Не поднимая глаз, Маша проговорила: «только что убила мужа», и опустилась без чувств на пол в прихожей.
>
> — Я знал это, милая, родная, не бойтесь, доверьтесь мне, — повторял Хомутов... [13, с. 242].

В начале 1927 г. А.Н. Толстой вновь вернулся к рассказу «Маша». Он полностью его переработал и изменил название («Без крыльев (Из прошлого)») для публикации в журнале «Звезда» [10]. В авторском примечании говорилось: «Этот рассказ был написан в 1914 году, перед самой войной.

Он отражал городские настроения перед эпохой великих событий. В сыром виде он пролежал до сих пор, когда я окончательно привел его в порядок. А.Т.» [10, с. 64]. Наряду с изменением названия, был переписан практически весь текст рассказа, в результате чего из трагикомедии «Маша», из смешения фарса и драмы, как определял жанр рассказа в начале XX в. Измайлов [3], А.Н. Толстой сделал трагедию одинокой молодой женщины — «без крыльев».

В рассказе, опубликованном в журнале «Звезда», образ Маши был скорректирован. В тексте появилась предыстория героини: рассказывая о себе, она упоминала умершего в Сызрани отца, доктора Черепенникова; о том, что семнадцатилетней ее выдали замуж за сорокалетнего. А.Н. Толстой наделяет Машу, таким образом, некоторыми деталями биографии Кати, героини романа «Хождение по мукам» (о прототипах героев романа см.: [15, с. 363–367]). Катя — уроженка Самары, там живет ее отец — доктор Дмитрий Степанович Булавин; совсем молодой она вышла замуж («когда Екатерина Дмитриевна выходила замуж — Даша была еще девочкой» [15, с. 14], Даше — девятнадцать, она моложе Кати на пять лет). Живущая у сестры Даша становится свидетельницей постоянных ссор сестры с мужем: «Даша прошла в гостиную, села у рояля, положила ногу на ногу и охватила колено. Зять, Николай Иванович, дома, — значит, поссорился с женой, надутый и будет жаловаться» [15, с. 14].

Текст, опубликованный в журнале «Звезда», отличается и рядом других сцен: А.Н. Толстой ввел эпизод узнавания Маши извозчиком («А я вас знаю, барыня, постаааянно <так!> катаю и Кузьму Сергеевича» [10, с. 74]), воспоминание героини в кафе у Филиппова о привычной жизни («Здесь она часто бывала днем, в свежих перчатках — строгая дама — покупала булочки» [10, с. 80]). Трагическое звучание рассказ приобретает и благодаря введению в текст журнала «Звезда» лирического отступления о слабости человека, променявшего моральные законы на «пустячки»: «Тысячи лет трудилось над ними человечество, казалось, — крепче обручей не набьешь на человека — по рукам и ногам окован священными формулами. Но что же случилось? Подмигнули человеку, поманили-то пустячками — не каким-нибудь богоборческим бунтом, и человек-то маленький, не Прометей-дерзатель, а робкая женщина, мещаночка, почти ребенок. И — гляди моралист — лопаются, валяются с беззвучным грохотом тысячелетние цепи.

И — гол, наг стоит человек» [10, с. 76]). Так, в рассказ вводится классическая для русской литературы XIX в. и одна из основных для творчества А.Н. Толстого 1910–1914 гг. тема маленького человека, бессильного перед лицом приближающейся катастрофы, подкрепленная аллюзией на героя поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник», безумного Евгения, грозящего памятнику Петра I на Сенатской площади: «Став, глядела в сторону дома, в дождливую тьму ночи. Все лицо ее сморщилось, показались острые зубки, она подняла кулачишко, погрозила» [10, с. 81].

В результате работы над текстом автор отказался от упоминания о том, что в поиске жилья Маша заходила в несколько квартир, но «с отвращением отказалась от пропахших кухней клетушек с убогим убранством». А.Н. Толстой сократил ряд монологов героини, которые характеризовали ее как легкомысленную барышню, оторванную от реальной действительности. Например, признание журналисту о желании любить (со слов: «Пожалуй, пошла бы. Да вот мешает мне: будто легко это и очень трудно. Сейчас скажу, что мне мешает: я еще не любила ни разу, вот это» [13, с. 196]), ее размышления в пролетке («Началось то, о чем страшно было и подумать: Маша стала доступной всем» [13, с. 204]) и др.

В журнале «Звезда» автор изменил должность Притыкина на присяжный поверенный; переписал образ писателя Хомутова, он стал поэтом-мистиком Кашиным; добавил фамилию журналиста Ивана Петровича — Бабушкин и имя гостя публичного дома и друга его владелицы, баронессы — Базиль. А.Н. Толстой ввел новый эпизод посещения ревнивым мужем Кашина. Многочисленные изменения для журнала «Звезда» были внесены в ключевые сцены рассказа, в частности, в сцену появлением Бабушкина в квартире Притыкина во время ссоры с женой, в сцену допроса Маши Притыкиным в прихожей и др. Была полностью переписана финальная сцена рассказа — убийства Машей Притыкина:

Маша, обессиливая, теснее прижималась грудью; запрокинула голову, зажмурилась, и ровный ряд ее зубов глубоко вошел в нижнюю губу. Притыкин оторвал, наконец, левую ее руку и, сжав, стал крутить. Маша застонала и вдруг перестала стонать: под пальцем она почув-	Притыкин ухватил наконец ее левую руку и, сжав, закрутил. Маша застонала. Он уперся коленом ей в живот и дернул револьвер. Тогда огнем обожгло им пальцы, выстрел был слаб. Притыкин громко икнул, отпустил руки и стал валиться на Машу. Она схватила его за

ствовала упругую пружину курка. Притыкин поднял колено, уперся им в Машу и со всей силой дернул револьвер.

Тогда огнем обожгло им пальцы, выстрела они не слышали. Маша, не отпуская курка, потянула за него еще раз. И, после резкого толчка пламени, Притыкин ахнул, отпустил руки, взялся за низ живота и сел на ковер.

— Ах, какая гадость, — проговорила Маша, глядя на скорчившегося от боли и страха мужа. Он стал вдруг маленьким, пыльным и жалким [13, с. 219].

плечи, не удержала. Он всею тяжестью мертвого тела упал ей в ноги на малиновый бобрик. Для второго выстрела — в себя — у Маши не хватило сил [10, с. 84].

О ходе авторской работы мы можем судить по сохранившимся документам: в ОР ИМЛИ хранится черновой автограф, выполненный синими чернилами с правкой синими чернилами, синим и простым карандашами[2]. Часть чернового автографа была выполнена на листах, вклеенных поверх печатного текста «Сочинений» [13], с правкой автора черными и синими чернилами, красным и синим карандашом. Черновой автограф был выполнен для журнала «Звезда» во второй половине 1920-х гг., но не позднее апреля 1927 г. В РО ИРЛИ в фонде журнала «Звезда» отложились следующие документы[3]: авторизованная машинопись, выполненная фиолетовыми чернилами на листах формата А4, с правкой А.Н. Толстого черными чернилами, синим и красным карандашами, пометами корректора простым карандашом, которая послужила наборным экземпляром для журнала «Звезда»[4]; гранки журнала «Звезда», датированные 29 апреля 1927 г., с правкой А.Н. Толстого синими чернилами и пометами корректора черными[5].

Готовя текст для журнала «Звезда», А.Н. Толстой отказался от более определенных и точных формулировок в описании чувств героини. Так,

2 ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 78. 29 л. В правом верхнем углу — подпись «Алексей Толстой» (л. 1), примечание и подпись: «В 1913 году был написан рассказ “Маша”, в 1927 году из него сделан рассказ “Без крыльев”. А. Толстой» (Л. 29).

3 Мы выражаем искреннюю благодарность кандидату филологических наук, старшему научному сотруднику РО ИРЛИ РАН Татьяне Алексеевне Кукушкиной за сообщение об обнаруженных ею материалах и за возможность их изучения.

4 РО ИРЛИ. Ф. 109. № 505. 26 л.

5 РО ИРЛИ. Ф. 109. № 244. 10 л.

в начале рассказа о причинах, почему она не ответила журналисту, говорилось: «Маша отвернулась, не ответила [*не потому что не хотела, а просто — овладела смертельная усталость*]»[6]. В сцене с баронессой, содержательницей публичного дома, вначале вписанная в авторизованной машинописи часть фразы была зачеркнута: «Притянутая в зеркале ее глазами, Маша похолодела [,*будто сейчас только поняла опасность*]»[7].

Автор отказался от предыстории живущей у журналиста женщины, которая была вписана в черновом автографе, но на следующем этапе работы — в авторизованной машинописи зачеркнута: «У меня, видите ли, [*одна женщина… Сбежала от мужа… Хотя живем не вместе, но проводит у меня 24 часа*] неудобно»[8].

В рецензии на журнал «Звезда» В.П. Друзин писал: «Психологически неоправданная пошловатая история о слабовольной женщине-куколке “без крыльев” рассказана очень тусклым, невыразительным языком» [11]. Не только сюжет, но и образы рассказа не вызвали сочувствия критика. Герои, по его мнению, не типичны и ничем не примечательны, не удалось писателю и «сатирическое изображение мистика-символиста» [11].

Следующий этап работы над текстом и прежде всего над образом главной героини был связан с подготовкой рассказа к публикации в томе собрания сочинений [14]. (Далее в тексте это издание обозначено: *ГИЗ*.) В лирическом отступлении, которое впервые появилось в журнале «Звезда» («Тысячи лет трудилось над ними человечество ∞ И — гол, наг стоит человек»), Маша была охарактеризована как «мещаночка», в *ГИЗ* «мещаночка» снята. Небольшие изменения внесены в описание Машиной шляпки: в журнале «Заветы» упоминались только качающиеся большие перья на шляпке, в журнале «Звезда» появилось определение «проституточья» [10, с. 73], по вкусу мужа, в черновом автографе была шляпка со страусовыми перьями, в *ГИЗ* появилось тревожное трепетание «провинциальных перьев»: «перья на ее шляпе вздрагивали, будто угрожали» [14, с. 13] и «нелепые, какие-то провинциальные перья на ее шляпе угрожающе колыхнулись» [14, с. 14].

6 ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 5. Заключенный в квадратные скобки текст, набранный курсивом, был зачеркнут автором.

7 РО ИРЛИ. Ф. 109. № 505.

8 Там же.

Автор работал над всеми образами рассказа (добавив упоминание о «профессиональном инстинкте» журналиста, в частности), внес небольшие коррективы в некоторые эпизоды (например, в сцены появления журналиста в квартире Притыкина и возвращения Маши домой). Еще для журнала «Звезда» А.Н. Толстой начал работать над образом баронессы, ее внешностью, высказываниями и реакцией Маши на ее слова. Само наименование «баронесса» было выбрано не случайно: аристократические псевдонимы часто встречались у авторов женских журналов (например, Баронесса В., Баронесса П., баронесса Л.А. фон Нольде), которые вели рубрики советы читательницам [3, с. 139]. Поучения баронессы, ее размышления о браке в рассказе 1914 г. были даны в форме несобственно-прямой речи: «После двух часов разговора Маша принялась смотреть на баронессу, как на чудо, а на свое положение, как на один из двадцати раз уже бывших случаев, разрешенных ее собеседницей очень просто: если в браке женщина с первого же дня не овладела мужем, то брачная жизнь ей негодна, и она немедленно должна отказаться от всех предрассудков; мужчины выдумали мораль и разные ловушки, чтобы женщин держать при себе, сами же подобны собакам, и ценят одно — когда с ними обращаются дерзко и держат в прихожей; поэтому только дуры принимают в расчет мораль и боятся себе разрешить, а если женщина умна и опытна, то ей дозволено все» [13, с. 209]. Для журнала «Звезда» автор переписал их в виде лаконичного и циничного монолога: «Брак? Я не против брака, если муж глуп, муж богат и доверчив. Но если с первого же дня вы не сели верхом на муженька — прочь брачные узы! Предрассудки, мнение общества — этим вас, глупеньких, и вяжут. Тьфу! вот я на вашу мораль. И, видите, чувствую себя неплохо. Важно только иметь сердечные отношения с полицией. А муж взял верх — тут вас брачное болото и засосало. Очутитесь вы у кухонной плиты. Очутитесь с иголкой в руках за починкой мужниных подштанников. Ах, скольких я спасла от этой каторги!» [10, с. 139]. В журнале «Звезда» впервые появляются слова, которые произносит с недоумением баронесса, глядя на красивую статную Машу: «А ведь вам кажется, — ушли от пошляка-мужа и за вами хлоп дверь, и вам теперь остается на машинке писать или продавщицей к Мюру-Мерилизу. Сознайтесь, — так именно и думаете?» [10, с. 75]. По сравнению с предыдущими изданиями в *ГИЗ* значительно больше места уделено словам восхищения баронессы внешностью и фигурой Маши и описанию «роскошных

перспектив». «Разумеется, Маша расплакалась среди шелковых подушечек. Змий глядел на нее премудрым глазом с золоченого диванчика. Потом повел ее в чистенькую комнатку с большой постелью и веселенькими обоями, помог снять шляпу. Баронесса не говорила, а пела» [14, с. 26]. В сцене обольщения Маши «бурными страстями, наслаждениями всех видов» [14, с. 25] ощутима аллюзия на змея-искусителя, соблазнившего Адама и Еву нарушить заповедь Бога не вкушать плода Древа познания добра и зла, с одной стороны. С другой, призыв баронессы «мстить мужчинам» [14, с. 24] отсылает к повести «Яма» (1909) А.И. Куприна, который одним из первых в литературе поднял тему публичных домов и проституции, показав трагические истории женщин, попавших в публичный дом обманом или соблазном.

В 1920-х гг. А.Н. Толстой снял примечание, в котором говорилось об актуальности отраженных в рассказе «городских настроений» кануна Первой мировой войны, однако обращение писателя к написанному более десяти лет рассказу и к теме положения женщины в семье и обществе, социальной, экономической и морально-этической уязвимости женщины свидетельствует о его постоянном интересе к «женскому вопросу». Изучение дневниковых записей А.Н. Толстого и основанных на них художественных текстов позволяет говорить о том, что на протяжении всей жизни гендерные конфликты тщательно фиксировались им и находили отражение в творчестве.

Список литературы

Исследования

1 *Акимова А.С.* Традиции изображения «усадебной культуры» в рассказе А.Н. Толстого «Девушки» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 5–10.

2 А.Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. 528 с.

3 *Обатнин Г.* Женская культура как развлечение мужчин // Русская развлекательная культура Серебряного века. 1908–1918. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 134–157.

4 *Симонова О.А.* Образ блудницы в феминистской беллетристике начала XX в. // Новый филологический вестник. 2016. № 2 (37). С. 86–97.

5 *Слицан О.* Руководство к ужению подписчика: (в наших пресных водах) // Журнал журналов. 1916. № 36. С. 4.

6 *Стрелкова З.В.* Самарские знакомства Толстых: Иван Петрович Новиков // Алексей Толстой: Диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 3. С. 301–331.
7 *Энгельштейн Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М.: ТЕРРА-TERRA, 1996. 571 с.

Источники

8 Биржевые ведомости. 1914. 28 марта.
9 Заветы. 1914. № 1. С. 26–53.
10 Звезда. 1927. № 5. С. 64–84.
11 Красная газета. 1927. 28 мая.
12 Новое слово. 1914. № 3. С. 118–122.
13 *Толстой А.Н.* Соч.: в 10 т. М.: Кн-во писателей в Москве, 1914. Т. 5. С. 207–242.
14 *Толстой А.Н.* Собр. соч.: в 15 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1929. Т. 11. С. 5–39.
15 *Толстой А.Н.* Хождение по мукам. М.: Наука, 2012. 478 с.

References

1 Akimova, A.S. “Traditsii izobrazheniia ‘usadebnoi kul’tury’ v rasskaze A.N. Tolstogo ‘Devushki’.” [“Traditions of the Image of ‘Manor Culture’ in the Story of A.N. Tolstoy ‘Girls’.”] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 438, 2019, pp. 5–10. (In Russ.)
2 *A.N. Tolstoi. Materialy i issledovaniia* [*A.N. Tolstoy. Materials and Studies*]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 528 p. (In Russ.)
3 Obatnin, G. “Zhenskaia kul’tura kak razvlechenie muzhchin” [“Women’s Culture as a Men’s Entertainment”]. *Russkaia razvlekatel’naia kul’tura Serebrianogo veka. 1908–1918* [Russian Entertainment Culture of the Silver Age. 1908–1918]. Moscow, Izdatel’skiidom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2017, pp. 134–157. (In Russ.)
4 Simonova, O.A. “Obraz bludnitsy v feministskoi belletristike nachala XX v.” [“Image of a Whore in the Feminist’s Fiction of the Early 20th Century”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (37), 2016, pp. 86–97. (In Russ.)
5 Slitsan, O. “Rukovodstvo k uzheniiu podpischika: (v nashikh presnykh vodakh)” [“Guide to Angling a Subscriber: (in Our Fresh Waters)”]. *Zhurnal zhurnalov*, no. 36, 1916, p. 4. (In Russ.)
6 Strelkova, Z.V. “Samarskie znakomstva Tolstykh: Ivan Petrovich Novikov” [“The Tolstoys’ Samara Acquaintances: Ivan Petrovich Novikov”]. *Aleksei Tolstoi: Dialogi so vremenem* [*Alexey Tolstoy: Dialogues with Time*], issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 301–331. (In Russ.)
7 Engel’shtein, L. *Kliuchi schast’ia. Seks i poiski putei obnovleniia Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [*Keys to Happiness. Sex and the Search for Ways to Renew Russia at the Turn of the 20th Century*]. Moscow, TERRA–TERRA Publ., 1996. 571 p. (In Russ.)